

Список литературы

Жиркова Г.П. 2014. Культурологический компонент повышения квалификации педагогов. — *Человеческий капитал*. № 8(68). С. 57-59.

Краевский В.В. 2002. Методология педагогики: прошлое и настоящее. — *Педагогика*. № 1. С. 3-10.

Флиер А.Я. Культурологическая парадигма образования (к определению понятия). — *Российская культурология: сетевое сообщество*. Доступ: <http://www.cultural-net.ru/main/person/626> (проверено 01.11.2015).

ZHIRKOVA Galina Petrovna, Lecturer of the Chair of Social and Humanitarian Sciences, Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (49 Kronverkskiy Ave, St. Petersburg, Russia, 197101; galinajirkova@hotmail.com)

CRITERIA, INDICATORS, LEVELS OF DEVELOPMENT OF COMPETENCE OF TEACHERS OF «FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS» IN THE SYSTEM OF IMPROVEMENT OF QUALIFICATION

Abstract. The article presents an analysis of the culturological model of education. Components of culturological competence are selected; the culturological competence of the lecturer of the course «Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics» is examined. The author proposes the characterization of criteria, indicators and levels of the development of culturological competence of the lecturers of the course in the system of raising the level of their skill. The author defines the objectives of the development of culturological competence of a lecturer in the system of professional development, which are reflected in specific functions.

Keywords: culturological competence, culturological model, professional development of lecturers

---

СУХАНОВА Наталья Евгеньевна — аспирант кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, ауд. 1305; n.e.sukhanova@yandex.ru)

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются инструменты и технологии «мягкой силы», используемые в современной мировой политике, отмечается возрастающая роль гибких факторов и усиление влияния «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений, проводится анализ их роли в реализации внешней политики России. В качестве проводников «мягкой силы» автор выделяет такие важные каналы сотрудничества, как образование, спорт, туризм.

Ключевые слова: «мягкая сила», «умная сила», публичная дипломатия, имидж России, система образования, спорт, туризм, внешняя политика

В конце XX в. в противовес политической установке «жесткой силы» заметно возросла роль гибких факторов, усилилось влияние «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений.

Концепт «мягкая сила» (в некоторых источниках дается перевод «гибкая власть») был сформулирован известным американским политологом Дж. Наем [Nye 2002; Nye 2004]. Он выделил три базовых ресурса «мягкой власти»: культуру, идеологию и внешнюю политику, имеющую моральный авторитет [Nye 1990: 167]. Следовательно,

привлекательность, взаимопонимание и воздействие являются важнейшими элементами поведенческой мотивации «мягкой силы», т.е. привлекательной силы.

В историко-культурном аспекте понимание природы «мягкой силы» связывается с культурными, ненасильственными, демократическими, эмоционально привлекательными ценностями. Эти ценности используются для установления и поддержания власти методами, направленными на осуществление установки убедить (заставить) других «хотеть того, чего хотите вы».

Феномен «мягкой силы» — далеко не однозначное явление современной внешней политики, публичной дипломатии, использующих в своем арсенале многообразие подходов и технологий внешнеполитической деятельности с целью воздействия на общественность, деловые и политические круги зарубежных стран. Дж. Най предложил новую концепцию «умной силы» (*smart power*), т.е. «способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы “мягкой” и “жесткой” сил»¹.

Роль «мягкой силы» в современной геополитике возрастает на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, властные мировые элиты и национальные правительства. Возникнув как стержневой концепт школы американского политического либерализма, «мягкая сила» оказала существенное влияние на формирование внешней политики США, в т.ч. в государствах Восточной Европы, Центральной Азии (Афганистан, Ирак), Африки. Она породила концепции «демократическая интервенция», «ответственность по защите» и «человеческая безопасность», стала ядром сценария революций Арабской весны на Ближнем и Среднем Востоке и постсоветском пространстве. Все это требует тщательного изучения различных доктрин и инструментов «мягкой силы», их эффективности и той меры ответственности, которую должно нести современное государство, использующее «мягкую силу» в интересах внешней экспансии и транслирования своих ценностей другим акторам международных отношений.

Измеряемость эффективности использования инструментов «мягкой» и «жесткой» силы всегда требует конкретного подхода, т.к. зависит от многих внутренних и внешних обстоятельств, определяющих возможности применения тех или иных сил. Так, жесткость экономических санкций может варьировать в широких пределах, и они могут быть весьма суровым средством воздействия.

Разной степенью жесткости может также характеризоваться информационное воздействие; более жесткими или более мягкими могут быть различные формы международной политики. И даже такой ресурс, как ядерное оружие, может в известном смысле считаться элементом «мягкой», а не «жесткой» силы. Свидетельством этому явился военный парад 9 мая 2015 г. в честь 70-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне. Можно считать, что ядерное оружие является инструментом не военной, а жесткой политической силы — как образ, предупреждение о реальной смертельной угрозе использования ядерного оружия, что нередко и делается. Как условие сохранения мира...

Аналогичный пример — новость о том, что 15 ноября 2015 г. во время проведения в Анталье саммита *G20* российский ракетный подводный крейсер стратегического назначения «Владимир Мономах» произвел успешную стрельбу двумя межконтинентальными баллистическими ракетами «Булава», которые пролетели почти 6 000 км и поразили учебные цели на полигоне «Кура»².

«Мягкая сила» как технология, по мнению П.Б. Паршина, представляет собой «совокупность инструментов и сформировавшихся практик, которые рассматриваются как “мягкие” в том смысле, что при их использовании можно ожидать

¹ Рогозин А. Коммерческий пиар и политические технологии объединяются. Беседа члена Молодежной общественной палаты, аспиранта МГИМО(У) МИД России Алексея Рогозина с Дж. Наем о НАТО, России и «умной силе». — *Агентство политических новостей*. 22.10.2008. С. 1. Доступ: <http://www.apn.ru/publications/article20896.htm> (проверено 22.11.2015).

² Ракетный крейсер «Владимир Мономах» успешно провел учебные стрельбы. — *Первый канал*. Новости от 15.11.2015. Доступ: <http://www.itv.ru/news/polit/296265> (проверено 22.11.15).

нанесения относительно меньшего ущерба», чем в случае «применения других инструментов для достижения поставленных целей» [Паршин 2014: 14].

В политической лексике российской публичной дипломатии термин «мягкая сила» введен в официальный государственный оборот с февраля 2012 г., пополнив арсенал инструментов отечественной дипломатии. Впервые этот термин использовал В.В. Путин в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир», в которой искомое понятие определяется как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»¹.

Вместе с тем сущность и содержание «мягкой силы» в российской концепции полностью не раскрыты, что позволяет предположить прямое заимствование разных смыслов толкования термина. Сложившаяся ситуация требует уточнения, конкретизации и расширенного определения термина «мягкая сила» в ее российском понимании, поскольку копирование западных шаблонов и перенос их на иную культурную почву чреваты обратным результатом. Эта задача особенно актуальна в контексте различных форматов международных отношений, которые Россия выстраивает со своими стратегическими партнерами в мировой политике.

9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей президент России обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатии к своей стране, основываясь на достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере». В.В. Путин признал, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко»². Очевидно, что в современных условиях «мягкая сила» становится одной из опор российской внешней политики.

Сегодня практически ни одно событие в мировой политике не происходит без использования инструментария «мягкой силы», серьезно усиленного новейшими информационными технологиями. Крайне важен тот факт, что в современных условиях именно «мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную подготовку прямого военного вмешательства. Ярким примером в данном случае может быть ситуация «российского присутствия» в Сирии. 30 сентября 2015 г. стало известно, что президент Сирии Башар Асад попросил Россию о военной помощи в борьбе с боевиками ИГИЛ, а Совет Федерации России одобрил применение российских ВВС в Сирии. В этот же день российская авиация начала бомбардировки позиций боевиков в Сирии³.

Россия в Сирии оказывает военную помощь только легитимной армии президента Асада в соответствии с Уставом ООН. Об этом президент РФ Владимир Путин заявил в интервью американскому журналисту Чарли Роузу для американского телеканала CBS⁴.

Формирование у России своего формата «мягкой силы» является объективным индикатором (маркером) достижения страной такого уровня, на котором с ней следует выстраивать отношения как с мировым лидером, даже если этот факт не признан со стороны великих держав, таких как США.

Для трансляции российской «мягкой силы» и культурного влияния на между-

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. — *Московские новости*. 27.02.2012. Доступ: <http://www.mn.ru/politics/78738> (проверено 22.11.15).

² Путин В.В. 2012. Выступление на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации. — *Президент России. Официальный сайт*. 9 июля. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (проверено 22.11.15).

³ СМИ: Париж поверил, что Москва бомбит в Сирии именно боевиков. — *Профиль*. 17.11.2015. Доступ: <http://www.profile.ru/gossiya/item/101374> (проверено 22.11.15).

⁴ Путин объяснил, что Россия оказывает военную помощь Сирии по Уставу ООН. — *Newsru.com*. 27.09.2015. Доступ: <http://www.newsru.com/russia/27sep2015/putinsays.html> (проверено 22.11.15).

народное сообщество и политическую элиту, помимо официальных путей воздействия, существуют и другие каналы сотрудничества, среди которых заметную роль играет спорт, туризм, образование, выступающие в качестве проводников «мягкой силы». По этой причине, на наш взгляд, 9 ноября 2015 г. комиссия ВАДА предприняла беспрецедентное давление, направленное на разрушение положительного образа российского спорта — обвинение российской команды по легкой атлетике в использовании допинга, рекомендуя отстранить всех российских легкоатлетов от участия во всех турнирах, включая Олимпиаду в Рио-де-Жанейро в 2016 г. Выступая на форуме Всемирной ассоциации олимпийцев, президент РФ Владимир Путин заявил: «Мы четко следуем Олимпийской хартии, где прямо указано о недопустимости использования спортсменов в политических целях. Последовательно выступаем за тезис о том, что спорт — вне политики»¹.

Следует признать, что исторический опыт США и Запада в применении «мягкой силы» был вполне удачным. Результаты применения инструментария «мягкой силы» оставили заметный след в разработке программ информационного воздействия на массовое сознание населения европейских стран. В годы «холодной войны» публичная дипломатия достигла наивысшего расцвета. В это время особенно отчетливо проявилось соперничество между СССР и США, а также их союзников за доминирование в мировом пространстве.

Многие специалисты не без оснований отмечают лидерство США в применении инструментов «мягкой силы»; старается наверстать свое отставание Китай; за последние годы серьезной стала и российская активность в этом направлении.

Согласно новой стратегической доктрине ведущих зарубежных стран, в сложный период политического и финансово-экономического кризиса установка на использование привлекательного образа «мягкой силы» в публичной дипломатии, в регулировании международных процессов начинает занимать доминирующие позиции, все более оттесняя возможности «жесткой силы» на второй план. В условиях формирования глобального информационного пространства и новых информационно-коммуникативных технологий неуклонно возрастает влияние общественного мнения на внешнюю и внутреннюю политику стран, расширяются возможности коммуникационного воздействия на международные процессы.

Как показывает практика стран, использующих в своих целях механизмы «мягкой силы», наибольшая эффективность достигается там, где в выборе методов и средств внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности государства соблюдается индивидуальный подход к процессу формирования привлекательного образа страны (т.е. использование модели «умной силы», соединяющей привлекательность мягкости и возможности жесткости); важнейшим условием достижения эффективности использования механизмов «мягкой силы» является ее информационное обеспечение с учетом всех возможностей интернет-технологий.

В продвижении позитивного имиджа государства в каналах массовых коммуникаций ключевая роль отводится публичной дипломатии. Неправительственные акторы публичной дипломатии в состоянии охватить весь спектр политической жизни своей страны, транслируя не только официальные, но и оппозиционные настроения. В последнее время наше государство стало уделять этому вопросу больше внимания, увеличился бюджет Россотрудничества. Новая глава Россотрудничества Любовь Глебова рассказала о приоритетах в работе ведомства: так, правительство приняло федеральную целевую программу «Русский язык» на 2016–2020 гг., где в т.ч. предусматривается и его распространение за пределами России. В этой программе доля финансирования проектов по линии Россотрудничества увеличена по сравнению с предыдущей аналогичной программой в 3 раза. Главным приоритетом было, есть и будет пространство СНГ².

¹ Путин: РФ не допускает использование спортсменов в политических целях. — *РИА Новости*. 21.10.2015. Доступ: <http://ria.ru/sport/20151021/1305732315.html> (проверено 22.11.15).

² На продвижение русского языка в мире выделили 2 млрд. — *Известия*. 01.06.2015. Доступ: <http://izvestia.ru/news/587189> (проверено 22.11.15).

Появилось несколько фондов, выделяющих гранты российским НКО на деятельность по развитию публичной дипломатии. Но таких фондов в России немного – Фонд Горчакова и «Русский мир».

Следует признать, что образование является мощным инструментом «мягкой силы», приобретая характер механизма, или канала публичной дипломатии. Анализ практического использования инструментария данного феномена показывает, что в российской действительности использование возможностей образовательных систем как механизма «мягкой силы» осуществляется недостаточно эффективно как в информационном продвижении заслуг и достижений российской системы образования, так и в слабом информационно-коммуникативном продвижении имиджа российского образования в глазах зарубежной, да и российской общественности. Следует учитывать, что на эффект от высшего образования как инструмента «мягкой силы» можно рассчитывать только в долгосрочной перспективе. Культура и ценности распространяются и укореняются постепенно, однако глубоко и надолго. Поэтому необходимо учитывать и то, что в современном мире «происходит увеличение роли университетов как центров науки и культуры», благодаря которым по-новому происходит конструирование образов социальной реальности, осуществляемого «с целью усиления положительного эффекта инновационных трансформаций в науке, производстве, образовании» [Образование... 2014: 60]. И в этом контексте при соответствующем информационном обеспечении российская система образования может стать эффективным инструментом внешней политики нашей страны.

Восприятие страны в массовом сознании складывается как при непосредственном взаимодействии с реальной действительностью, так и под влиянием целенаправленного информационно-коммуникативного воздействия – посредством имиджа. «Имидж России должен вызывать уважение, быть привлекательным, открывать возможности для конструктивного диалога на основе тех ценностей, которые позиционирует Россия как мировая держава» [Василенко 2015: 34]. В настоящее время необходим комплексный подход к формированию современного имиджа России: выявление проблем, определение новых целей и перспектив, идеи нового бренда, его социокультурных основ, ведущих коммуникаторов, инструментария национального и территориального брендинга.

Исходя из анализа использования механизмов «мягкой силы» в практике регулирования международных отношений, «мягкая сила» должна поддерживаться возможностями «жесткой силы» без использования ее инструментария, но как щита, фундамента для защиты государства от поползновений «других» на его самостоятельность и суверенитет. Данный подход позволяет рассматривать проблему «мягкой силы» под углом зрения инструментальных, или ценностных критериев мягкости-жесткости и расширяет возможности решения многих внешнеполитических проблем для любого государства.

Подводя итоги, можно заключить, что все технологии, которые были рассмотрены выше, работают на главное – сохранение государства. Успех российской внешней политики сейчас во многом зависит от умелого использования инструментов «мягкой силы»: информационного обеспечения, механизмов формирования имиджа России, публичной дипломатии, развития туризма, спорта, привлечения зарубежных студентов для обучения в России и расширения сети российских учебно-образовательных центров русского языка и русской культуры за рубежом, поддержания авторитета «русского мира».

Список литературы

Василенко И.А. 2015. Роль технологий «мягкой силы» в формировании имиджевой стратегии России. – *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. № 1(39). С. 28-34.

Образование. Культура. Язык: монография (под общ. ред. Е.П. Савруцкой). 2014. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ; СПб.: Изд-во РХГА. 232 с.

Паршин П.Б. 2014. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. – *Вестник МГИМО–Университета*. № 2(35). С. 14-21.

- Nye J. 1990. Soft Power. — *Foreign Policy*. Autumn. № 80. P. 153-171.
- Nye J.S.Jr. 2002. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. N.Y.: Oxford University Press. 240 p.
- Nye J.S.Jr. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group. 208 p.

SUKHANOVA Natal'ya Evgen'evna, *postgraduate student of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (room 1305 31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; n.e.sukhanova@yandex.ru)*

SOFT POWER IN THE FOREIGN POLICY OF MODERN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the analysis of soft power tools and technologies, which are used in the contemporary world politics. The paper notes the increasing role of flexible factors and the growing influence of soft instruments impact on the international relations system. The author performed the analysis of their role in the implementation of the Russian Federation foreign policy, and also singled out several important cooperation channels, such as education, sport, and tourism as conductors of the soft power.*

Keywords: *soft power, smart power, public diplomacy, image of Russia, system of education, sport, tourism, foreign policy*